

ВЕНЕЦИАНСКИЙ

ДЕТЕКТИВ

АННА и СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВЫ

КОТ НЕДОВИНЧЕННЫЙ

МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л64

Оформление серии *С. Курбатова*

Литвинова, Анна Витальевна.

Л64 Кот недовинченный : [роман] / Анна и Сергей Литвиновы. — Москва : Эксмо, 2019. — 352 с. — (Венецианский детектив).

ISBN 978-5-04-099777-0

Давным-давно великий мастер Леонардо да Винчи работал над уникальным изобретением, которое так и не смог довести до совершенства... В наши дни великий компьютерщик Антон развил его идею и создал программу стоимостью в миллионы долларов... Катин племянник Ленчик прибежал к тетке за помощью: пропал его друг. Перед тем как исчезнуть, Антон спрятал свою программу где-то в Интернете. А пути-наводки разослал по адресам дамочек, вышедших замуж за иностранцев через брачное бюро, где он подрабатывал. Тетя с племянником отправляются в Европу, а там выясняется, что у них есть весьма опасные конкуренты. Каскад погонь и приключений безостановочно несет Катю и Ленчика через венецианские каналы, узкие улочки Вероны, проспекты Мадрида, снежные горы Сьерра-Невады... Все дальше и дальше — на поиски чуда...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Литвинова А.В.,
Литвинов С.В., 2019

© Оформление.

ISBN 978-5-04-099777-0

ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Пролог

С улицы донесся шум подъезжающей машины. Затем — скрип тормозов. Звуки далеко разносились в ночной тишине.

Антон метнулся к окну, выглянул из-за жалюзи. Из старой «бээмвухи» вылезали двое качков. Антон сразу понял: они — по его душу. И хотя он ждал визита и был готов к нему, его наполнил противный страх. Сердце заколотилось, реагируя на ударный выброс адреналина.

Антон бросился к двери, запер ее на ключ. Затем, кряхтя, пододвинул к двери диван. Это хоть немного задержит их.

Он потушил в офисе свет. Юноша неоднократно прокручивал в уме, как станет уходить, поэтому ему оставалось просто в точности делать то, что он наметил раньше.

Снизу — оттуда, где дремал охранник, — донеслись резкие голоса. Затем — возня. Шум падающего тела.

Пальцы Антона запорхали по клавиатуре. Компьютер начал выполнять заданные команды. Чтобы не терять времени, Антон откручивал винты на корпусе процессора.

С лестницы донеслись неотвратимые шаги. Компьютер завершил заданную программу. Антон выдернул штепсель из розетки. Сейчас не время заботиться о ее корректном завершении.

Ручка задергалась. Затем в дверь забарабанили. Только бы успеть!

Антон лихорадочно снял крышку процессора. Вроде бы он все предусмотрел и не раз проигрывал в уме свои действия, однако руки, тем не менее, тряслись.

В дверь раздалась глухие удары плечом. Она затрещала, но пока не поддавалась.

Антону нужна была всего пара минут — но были ли они у него, эти минуты?

Из-за двери раздалась нетерпеливые выстрелы.

*За 512 лет до описываемых событий.
Милан, 1493 год*

В кабинете герцога Сфорцы горел камин, и это был единственный источник света в помещении. Окна плотно завешены, и подходить к ним строго запрещалось: вдруг гость даст знак заговорщикам — реальным или воображаемым.

В редких отсветах пламени лицо герцога, прозванного за смуглость кожи Моро, то есть «черный», казалось еще темнее. Герцог был мрачен, и развеселить его не могло даже присутствие его молоденькой любовницы Цецилии Гальерани — хорошенькой, тоненькой, большеглазенькой. (Ее лицо, благодаря несравненному искусству Мастера известное как «дама с горностаями», на века переживет и ее самое, и герцога Сфорцу, и самого Мастера.)

И тогда угрюмый герцог послал за Мастером. В последнее время то был единственный человек, способный его расшевелить, заинтересовать, заставить забыть.

Мастер не заставил себя ждать. Через минуту он уже вошел в двери, услужливо распахнутые герцогским постельничим, и принял вид самый робкий и почтительный.

— Порадуй меня, — отрывисто бросил герцог Мастеру. — Посмеши!

— О, ваша светлость, — прижал руку к груди и поклонился Мастер, — для меня большая честь и великая прият-

ность доставлять вам радость. Не желаете ли услышать новые загадки?

— О, загадки, загадки! — захлопала в ладоши Цецилия.

Однако герцог ожег девушку мрачным взглядом, и та осеклась.

— Не хочу, — капризно пробасил Сфорца и хлопнул ладонью по столу. Затем глубоко вздохнул и снизошел для пояснения: — Тошно мне.

— В таком случае, ваша светлость... — снова поклонился Мастер и весьма расчетливо смешался. — Ох, я приберегал ЭТО для праздника именин вашей светлости, одна-ко... Если вы изволите приказать...

— Что? — отрывисто бросил Сфорца.

— Позволю себе спросить: может, ваша светлость прикажет все же отложить демонстрацию до ваших именин?

— Что, говори! — нахмурил брови герцог, и по выражению его лица, а также громовому голосу было ясно: это человек не привык, чтобы ему перечили.

— Позвольте мне, ваша светлость, не упреждать своими недостойными пояснениями демонстрацию аппарата, дабы своими речами...

— Хватит предисловий! Покажи мне! Быстро! Сейчас!

Хорошо затаенная довольная усмешка блеснула в глазах Мастера, и человеку наблюдательному стало бы ясно: он вызвал в герцоге именно ту реакцию, которой добивался. Впрочем, Сфорцу нельзя было отнести к числу людей, внимательных к оттенкам человеческих чувств.

Мастер растворил дверь кабинета и вышел. Куда теперь делась его униженность! Это был человек, приближенный к трону, чуть ли не личный друг герцога. Он надменно бросил немедленно подскочившему к нему постельничему:

— Его светлость велели принести! Живо!

А еще через минуту постельничий на вытянутых руках внес в кабинет герцога НЕЧТО, укрытое сверху грубой тканью. Лицо постельничего выражало брезгливость, смешанную с ужасом.

Глава 1

Москва.

Наши дни.

25 февраля.

Катя Калашиникова

Катя любила своего непутевого племянника Леньку Коноплева.

К сожалению, эта любовь не была взаимной.

Нет, наверное, Ленька испытывал по отношению к своей тетке теплые чувства. И если б его, предположим, спросили, любит ли он ее — племянник, конечно, ответил — с искренним удивлением: мол, о чем базар?! Ессесенно, люблю! Однако в Ленькиной жизни, переполненной тусовками, девочками, зачетами, лабами и зарабатыванием денег, Катерине просто не находилось места.

Он появлялся у тетки на день рождения, под Новый год или на Восьмое марта, с видимым удовольствием сметал салаттики и прочие яства, что ему подносилось, — а потом исчезал и снова появлялся лишь к следующему празднику. Кате оставалось только с ностальгией вспоминать, как они лет десять назад вместе со старшей сестрой Дашкой и ее сыном — маленьким Ленчиком — отдыхали под Геленджиком. Тогда Катя, еще студентка, учила десятилетнего Лелика прыгать на тарзанке, кувыркаться в воде, а также просвещала его насчет современного американского сленга.

А теперь Ленчик вырос, бороду бреет, на авто разъезжает, и никто из родни ему не нужен. Иногда, правда, он о тетке вспоминал «внепланово», не под праздник. Когда ему, например, ключи от квартиры неотложно требовались.

Или — если у него что-то случилось.

Вот и сейчас слегка истерическая «эсэмэска», пришедшая от Ленчика, свидетельствовала, что с ним опять, похоже, что-то стряслось:

«Тетьнка, хотел бы срочно с тобой увидеться. Согласен на любые условия. Напиши, когда, где».

Катя только что отпустила последнюю группу ученичков и стала наполнять ванну. Она предвкушала пятничное вечернее расслабление: долгое лежание в хвойной пене с ленивым листанием свежего «Космополитена». Праздничный мартовский «Космо» весил три пуда, и просматривать его можно было бесконечно, отмокая после тяжелой трудовой недели... Однако не могла же Катя отказать ради журнала любимому племяннику?! Видать, у него и впрямь неприятности. Поэтому она взяла мобильник и быстро протелеграфировала (то есть «проэсэмэсила» — так, что ли?): *«Приезжай прямо сейчас! Есть паэля, сможешь ее съесть».*

Ленчик откликнулся немедленно: *«Да ты поэтесса! Скоро буду».*

Вот свинья, подумала Катя, насмехается над старшими. Поэтессой обозвал. И что значит: «Скоро буду»? «Скоро» — это как? Через пять минут? Пятнадцать? Или через два часа?

Н-да, такая уж привилегия у юности: быть равнодушным ко всему, что не относится впрямую к ее собственной жизни. В том числе и к своим родным. Катя сама точно такой была — всего лет десять назад.

Вздыхнув, Катя выпустила воду, уже успевшую залиться в ванну, и отправилась на кухню: провести ревизию холодильника. Паэля — паэлей, но ею дело вряд ли ограничится: Ленька метал будь здоров, что бы с ним ни случилось.

...Ленчик явился через пятнадцать минут с тремя замороженными тюльпанчиками.

— С наступающим Восьмым марта, тетенька, — пробормотал он, протягивая букетик Кате.

— Лелик, окстись! До восьмого марта еще две недели. Ты, компьютерщик, считать-то умеешь?

— Не очень хорошо, — парировал племянник. — Так, на семь-восемь, и то с калькулятором. А что, рано цветочки дарить, да? Тогда я могу забрать.

— Ох, Лелик! Наглость твоя не имеет границ.

— Я знаю.

— Ты меня своими цветами конкретно пугаешь. Я и без того думаю: что же могло случиться, чтобы ты ко мне вдруг заявился? Да еще в пятницу вечером? Неужели Машка беременна?

— Не дождетесь, — нахмурился Ленья.

— Тогда что?

— А я-то думал, здесь паэлью дают, а не мозги полоскают...

— Хорошо, тогда мой руки — и давай за стол.

— Фу. Как пошло, в мамином стиле: «мой руки», «давай за стол».

— Не хочешь? Кормить не буду.

— Хочу, тетенька! Очень хочу!

Катя давно открыла секрет кормления племянника — порцию ему надо подавать ровно такую, чтобы казалось: обычный человек столько съесть не в состоянии. Однако Лелик всякий раз уминал, и с преобладающим удовольствием.

Вот и сейчас она навалила ему двойную дозу паэльки, рис аж за края тарелки высывался — а Лелик ничего, слопал за милую душу. Срубил — и очевидно повеселел. Лицо разгладилось, зарозовело, глаза заблестели.

— Ох, хор-рошо! — с чувством произнес племянник, отвалившись от еды.

— Вкусно?

— Еще как! Супер! Просто чудеса творишь! Паэлька лучше, чем в Испании.

— А ты что, был в Испании?

— Нет, — быстро ответил племянник, — но паэлька у тебя все равно вкуснее.

— За что люблю я тебя, Лелик, — благодарно проговорила Катя, — умеешь ты сказать доброе слово.

— А что, Паша твой Синичкин не умеет?

— Куда ему! Из него простое «спасибо» клещами нужно вытягивать. Одно слово, мент — хоть и бывший.

— А где он, кстати, сейчас?

— Понятия не имею. Наверно, у себя, на Дмитровке. А может, по бабам шляется. Он у нас теперь человек свободный.

— Вы что с ним, опять поругались? — участливо поинтересовался Ленчик.

— Опять, — вздохнула Катя. — Но на этот раз, думаю, уже навсегда.

— Жа-алко. А у меня к нему дело было.

— Звякни ему сам. Телефоны знаешь.

Племянник скривился, но Катя продолжила:

— Он, наверное, даже обрадуется. Люди склонны любить тех, кому они сделали добро.

— Супер! — восхитился Ленчик.

— Что?

— «Люди склонны любить тех, кому сделали добро». Ты сама придумала? Гениально!

— Ты сегодня, Лелик, что-то подозрительно сладкий. Ну-ка, давай выкладывай, что случилось.

— Со мной — ровным счетом ничего.

— А с кем тогда? С мамой? — встревожилась Катя.

— Нет, у нее тоже все нормуль. Как всегда: занудствует да каши мне варит. — Ленчик скривился.

— Тогда у кого проблемы?

— У моего ближайшего и лучшего друга.

— Рассказывай.

— Тебе по-мужски излагать — или по-женски?

— В смысле?

— Женщины обычно повествуют по порядку: с чего началось, как продолжалось, чем закончилось. А мужики сначала выкладывают самое главное, а потом уже переходят к деталям.

— То есть перескакивают с пятого на десятое. Ладно, рассказывай как хочешь, юный спец по гендерным проблемам.

— И спрашивать не буду, кто такой этот гендер...¹ Короче, рассказываю. В привычном тебе женском стиле.

И Леня поведал Кате следующее.

...Еще на втором курсе к ним в группу пришел новенький. Он год проболел (или прокосил, Ленчик точно не знал), брал академку, отстал на курс. Звали его Антон Старостин. Прошло достаточно непродолжительное время, и он стал Лениным закадычным другом. Во многом сему способствовало то, что Антон был мегапрограммистом — лучшим на курсе.

— Лучше тебя? — удивилась Катя.

Вопрос был не случаен. Ленчик являлся всем известным — во всяком случае, в масштабах семьи — программистом, компьютерщиком, хакером. Казалось, для него нет ничего невозможного. Проникнуть в сеть сотового оператора и пополнить счет парой сотен долларов — пожалуйста. Взломать сайт хозарских сепаратистов — ничего нет проще. И потом, звание победителя Всемирной компьютерной олимпиады в Кейптауне (которое с гордостью носил Ленчик) тоже абы кому не дадут.

— Увы, — вздохнул племянник, — Тоха был лучше, как ни обидно признавать сей прискорбный факт. Но... Как говаривал Аристотель, Платон мне друг, но истина дороже.

— Это Сервантес говаривал, — машинально поправила Катя. — Во второй части «Дон Кихота».

— Правда? — рассеянно изумился Ленчик. — Ну, какая разница. Главное, Тоха был в наших компьютерных делах очень крут. Мы с ним не раз и не два сходились в честном поединке. И почти всегда он меня — делал...

---

¹ Гендер — пол, в соответствии с которым человек строит свое поведение в обществе.

Выражаясь доступным тебе, филологине, языком: если я по компам мастер спорта или, — скромно добавил юноша, — мастер спорта международного класса, то он был гроссмейстером.

— Да ты у нас скромняга настоящий, — пробормотала Екатерина.

— Да, я такой!.. Тошка вообще, — продолжал Ленчик, — очень многоталантливый человек. Мы с ним пьесу сочинили, для КВНа, и он в ней главную роль играл. А однажды вот что было: Тоха вдруг исчез. Появился через четыре дня — небритый, невымытый, глаза красные. «Где был?» — «А я, — говорит, — биотехнологией увлекся. Создал компьютерную муху с шестью крыльями». — «И где же она?» — «Улетела».

— Прямо настоящий Леонардо да Винчи, — усмехнулась Катя.

Ленчик на ее иронию не отреагировал, настаивал:

— Не, он правда реальный гений.

— Что ж мы ничего о твоём Антоне не знаем? — с легким сарказмом спросила Катя. — Почему он до сих пор не явил свои многочисленные таланты миру?

— Да потому, что Тоха — редкостный раздолбай.

— Ещё больший, чем ты? — ехидненько поинтересовалась Калашникова.

— Пф-ф! Я по сравнению с ним в данном спорте вообще ребенок. Второй юношеский разряд, не больше. А он и тут — гроссмейстер.

— Могу себе представить... — пробормотала Катя.

— Нет, даже не можешь! У Тохи любимое занятие — на все забивать. На институт, на работу, даже на комп свой любимый — на все. Чтобы для КВНа роль выучил и на сцену вышел, наши артисты за ним в общагу по очереди приходили, будили и на репетиции силком волокли.

— А как он учится? — спросила Катя.

— Ф-фу! — сморщился Ленчик. — Что за вопрос! Сразу видно, что ты преподша! Доцентша!.. Да он на лек-

ции вообще не ходит, даже на семинары забивает и ни к одному из экзаменов дольше двух часов не готовился.

— А оценки?

— Ох, ты такая же, как и мать моя! Одни оценки вам интересны! Да Тоха, если хочешь знать, с его талантами мог бы президентскую стипендию получать!

— Но не получал, — закончила за племянника Катя.

— Он и обычную-то не получал.

— Чем же твой Антон вместо учебы-то занимался?

— Тупил! Тормозил. Информацию потреблял. По Сети ползал, когда деньги были. Пиво пил.

— Ну, этим все студенты грешны.

— Но Тоха — в особо злостных масштабах. Знаешь, кстати, какая у него кликуха была? «Тоха-Питоха». Потом первая часть отвалилась, и он у нас просто Питохой стал. Или Питухой. Хотя на Питуху он обижался: на «петуха» похоже.

— Ясно. Все вы — утопленное в пиве поколение. Но ты ведь, Лелик, ко мне приехал не для того, чтобы к сочинению готовиться. На тему «Антон Старостин — лишний человек двадцать первого века».

— Совершенно центрально замечено! Но ты ж сама велела, чтобы я рассказывал по-женски, то есть последовательно. Стал-быть, это была только присказка. Или экспозиция, как вы, гуманитарии, выражаетесь.

— Тогда рассказывай сказку.

— Пожалуйста. Мы перешли на пятый курс, и тут Тоху как подменили. Во-первых, он работать пошел...

— Куда?

Ленчик опять скривился:

— В брачное агентство под названием «Уж замуж за рубеж».

— Что, серьезно так называется?

— Ага.

— И кем он там работал? Женихом?

Леня хохотнул — оценил шутку.

— Нет, сисадмином¹. Но не в том суть. Главное, Тоха опять чем-то увлекся. Сильно увлекся. Как с той мухой. Дни и ночи за компом сидел. В институте вообще не показывался.

— Увлекся — чем?

— А я знаю?!

Катя нахмурилась.

— Ты же вроде говорил, что друг его.

— А я и не отрекаюсь. Да, друг. Но он знаешь какой скрытный был!..

— Что, — прищурилась Екатерина, — ничего тебе не рассказывал? Даже за пивом?

— Не.

— А ты его спрашивал?

— Хм! Неоднократно.

— И что Антон отвечал?

— Да много всякой пурги. Но знаешь, Катюшечка, — Ленчик редко называл тетку по имени, но когда сие случалось, ее имя звучало в его исполнении особенно про-никновенно, — я, конечно, проинтегрировал его ответы. И получилось у меня, что Тоха клепал на заказ какую-то суперпуперпрограмму.

— Какую программу? Для чего? Про что?

— Представления не имею. Единственное, однажды, когда он «трех топоров» (ну, портвейна «Три семерки») накеросинился, начал орать, что программа его, типа, революцию произведет, а сам он миллиардером будет, круче Гейтса. И тогда меня к себе вице-президентом возьмет.

— Типичная для алкоголиков мания величия, — по-морщилась Катя.

— Я б не спорил, — кивнул Леня, — когда б не знал, на что Тоха способен. Он ундервуд настоящий — то есть вундеркинд. Честно тебе говорю.

---

¹ С и с а д м и н — системный администратор.